

научная статья / research article

УДК: 327.8

EDN: QJCMVB

DOI: 10.48612/rg/RGW.29.1.6

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Нс 4.0\)](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Нс 4.0\)](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

Центральноазиатский регион как объект цифровой колонизации

Уткин Дмитрий Витальевич

Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина,
Бишкек, Кыргызская Республика
 d.v.utkin@krsu.kg

Аннотация

Введение. Цифровая трансформация стала одним из ключевых факторов изменения мировой политики и международных отношений. Развитие информационно-коммуникационных технологий привело к формированию новых форм глобального влияния, в рамках которых контроль над цифровой инфраструктурой и данными приобретает стратегическое значение. В этих условиях усиливается зависимость развивающихся государств от внешних технологических акторов. Для стран Центральной Азии цифровизация одновременно выступает инструментом модернизации цифровой инфраструктуры и источником новых геополитических рисков, связанных с утратой элементов цифрового суверенитета.

Методы и материалы. В качестве теоретико-методологической основы использованы концептуальные положения теории постиндустриального общества, концепции «киберсилы» и сетевого общества по материалам трудов Э. Тоффлера, Дж. Ная, М. Кастельса. В исследовании используются общие научно-политические методы, включая системный и геополитический анализ для оценки материалов, позволяющих оценить роль государств и транснациональных технологических корпораций в цифровом преобразовании региона.

Результаты. Установлено, что цифровая инфраструктура стран Центральной Азии формируется при доминирующем участии зарубежных технологических корпораций, что ведёт к институциональной, политической зависимости в сфере цифрового управления и потере цифрового суверенитета.

Обсуждение и заключение. Цифровая зависимость Центральной Азии воспроизводит асимметричные модели влияния, характерные для новых форм геополитического доминирования, выражающегося в концепте цифрового колониализма. Без развития собственных технологических компетенций и согласованной региональной стратегии цифровизация усиливает уязвимость государств и снижает их стратегическую автономию на международной арене.

Ключевые слова: цифровой колониализм; цифровая трансформация; технологические корпорации; инфраструктура; цифровой суверенитет; негосударственные акторы; Центральная Азия

Для цитирования: Уткин Д.В. Центральноазиатский регион как объект цифровой колонизации // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 1. С. 102–117. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.6>. EDN: QJCMVB.

© Уткин Д.В., 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

The Central Asian Region as an Object of Digital Colonization

Dmitriy V. Utkin

Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin,
Bishkek, Kyrgyz Republic
✉ d.v.utkin@krsu.kg

Abstract

Introduction. Digital transformation has become one of the key factors reshaping global politics and international relations. The development of information and communication technologies has led to the emergence of new forms of global influence, within which control over digital infrastructure and data acquires strategic significance. Under these conditions, the dependence of developing states on external technological actors is increasing. For the countries of Central Asia, digitalization simultaneously serves as a tool for the modernization of national digital infrastructure and as a source of new geopolitical risks associated with the erosion of elements of digital sovereignty.

Methods and materials. The theoretical and methodological framework draws on conceptual principles of post-industrial society theory, the concept of "cyberpower," and the network society, based on the works of E. Toffler, J. Nye, and M. Castells. The study utilizes general scientific and political methods, including systems and geopolitical analysis, to evaluate materials that allow for an assessment of the role of states and transnational technology corporations in the region's digital transformation.

Results. It has been found that the digital infrastructure of Central Asian countries is being shaped with the dominant involvement of foreign technology corporations, which leads to institutional and political dependence in the sphere of digital governance and contributes to the erosion of digital sovereignty.

Conclusion. Digital dependence in Central Asia reproduces asymmetric patterns of influence characteristic of emerging forms of geopolitical dominance, conceptualized within the framework of digital colonialism. In the absence of the development of domestic technological capabilities and a coordinated regional strategy, digitalization increases state vulnerability and undermines strategic autonomy in the international arena.

Keywords: digital colonialism; digital transformation; technology corporations; digital infrastructure; digital sovereignty; non-state actors; Central Asia

For citation: Utkin, D.V. The Central Asian Region as an Object of Digital Colonization. *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 1. P. 102–117. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.6>. EDN: QJCMVB.

© Utkin, D.V., 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Научно-технический прогресс в области цифровизации изменил облик современного общества. Информатизация существенным образом поменяла коммуникативную парадигму как на уровне общественных отношений, так и на уровне международного политического дискурса. Через стремительное развитие информационных технологий геополитическая борьба глобальных акторов нашла свое новое проявление. Цифровой ландшафт стал новым плацдармом для притязаний геополитических акторов в укоренении своего господства и реализации амбиций в перехвате первенства глобального влияния на региональном уровне. Если традиционные формы колониального контроля, основанные на прямом силовом принуждении, существенно трансформировались в условиях современного

международного порядка, то в рамках киберпространства данный тренд приобретает новые формы и инструменты реализации. В условиях трансформации механизмов глобального влияния анализ феномена киберколониализма (цифрового колониализма) представляет собой значимое направление для академических исследований в сфере международных и политических отношений между акторами мировой политики.

В этом контексте феномен цифрового колониализма становится ключевым понятием для анализа современного сценария мировой политики. Его суть проявляется в том, что цифровые технологии, изначально рассматривавшийся как инструмент прогресса, инноваций, становятся средством установления контроля и господства в глобальном информационном пространстве. Цифровой колониализм предстает как новая форма зависимости, при которой вместо материальных ресурсов используются производимые человеком и нейросетями цифровые данные, технологии и коммуникационная инфраструктура. Таким образом, контроль над информационными потоками и механизмами обработки данных становится эквивалентным контролю над природными ресурсами в индустриальную эпоху традиционного типа колониализма.

Цифровой колониализм в научном дискурсе понимается как система неравноправных отношений, в которой технологически развитые государства и корпорации устанавливают доминирующее влияние над цифровыми ресурсами, инфраструктурой и цифровыми данными менее развитых стран. Этот процесс выражается в институциональной зависимости от программных решений, облачных сервисов, коммуникационных платформ и стандартов, созданных и контролируемых ограниченным числом глобальных игроков. Благодаря монопольному владению алгоритмами и пользовательскими данными формируются новые формы подчинения и экономического контроля, что затрудняет формирование независимой цифровой политики на национальном уровне.

Для стран Центральной Азии, включая Кыргызстан и Казахстан, такая зависимость становится стратегической. Несмотря на активное развитие национальных программ цифровизации, таких как «Цифровой Казахстан» (*Kazakhstan Digital*) и «Цифровой Кыргызстан» (*Sanarip Kyrgistan*), основная инфраструктура (облачные хранилища, программное обеспечение, процессинговые центры и большие системы обработки данных) зависит от внешних технических решений. Это создает риски потери контроля над информационными потоками, а также снижает устойчивость цифровых систем перед лицом потенциальных киберугроз и геополитических конфликтов. Таким образом, тема цифрового суверенитета выходит за рамки технологических тем и становится частью национальной безопасности и стратегии государства.

Кроме того, цифровая зависимость предполагает формирование идеологического и культурного влияния. Платформы, разработанные в рамках западных технологических экосистем, не только обеспечивают функциональность, но и воплощают определенные нормы, ценности и модели взаимодействия. Это отражается в меняющейся информационной повестке дня, растущем влиянии транснациональных СМИ и формировании новых каналов мягкой силы. В результате усиливается политическая и идеологическая зависимость от глобальных центров технологической мощи, что в долгосрочной перспективе может ограничить возможности государств

самостоятельно определять направления цифрового развития и информационной политики.

Таким образом, цифровой колониализм функционирует не только как технологический, но и как геополитический инструмент влияния. Это позволяет ведущим мировым игрокам, в первую очередь Соединенным Штатам Америки и Китаю укрепить свое господство с помощью цифровой инфраструктуры, контролировать информационные потоки и формировать зависимости от экономики и институтов управления. Транснациональные корпорации, такие как *Google*, *Microsoft*, *Amazon*, *Meta*^{*}, *Cisco*, действуют как своего рода агенты внешнеполитических интересов, создавая зоны цифрового влияния, сопоставимые с традиционными геополитическими сферами. Поэтому цель статьи заключена в выявлении политических и геополитических рисков, связанных с технологической зависимостью стран региона от иностранных поставщиков цифровых решений – технологических корпораций. Объектом работы выступают процессы цифровой трансформации стран региона Центральной Азии в контексте концепта цифрового колониализма. Актуальной задачей выступает анализ концептуальных основ цифрового колониализма как продолжения исторического колониализма в условиях глобальной цифровой трансформации. Также для исследования представляется важным выявление ключевых процессов и механизмов формирования технологической зависимости стран Центральной Азии. В частности, необходимым этапом в ракурсе проблематики статьи является определение политических рисков для центральноазиатских государств, возникающих в результате формирующейся зависимости от цифровых инфраструктурных решений со стороны западных технологических корпораций, являющихся проводниками «мягкой силы» и «киберсилы» Запада.

Методы и материалы

Методологическую основу исследования составили общенаучные и политологические методы. Системный анализ использовался как общенаучный метод, а геополитический анализ как политологический инструмент в рамках теории международных отношений при изучении цифровой трансформации и роли технологических корпораций в странах Центральной Азии. Конкретно, системный анализ в рамках статьи представляется как метод, позволяющий обозревать цифровое, или киберпространство региона как часть более широкой сети глобального цифрового управления. В рамках данного подхода, западные технологические корпорации рассматриваются в качестве негосударственных акторов, которые в свою очередь обладают полномочиями самостоятельного политического влияния, согласованного со стратегическими приоритетами цифровой колониальной повесткой коллективного Запада.

Метод геополитического анализа позволил изучить цифровую зависимость стран региона Центральной Азии не только с точки зрения технологической и информационной, но и как внешнеполитический феномен, связанный с ротацией

* Решением суда от 21.03.2022 корпорация «Meta» признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации.

внешнего влияния глобальных акторов в пространстве региона, что существенно важно для оценивания и прогнозирования последствий цифрового доминирования западных технологических корпораций в контексте геополитической конкуренции США, КНР и России.

В исследовании используется акторно-центрированный подход как междисциплинарный аналитический инструмент, применяемый в политической науке и международных отношениях для изучения взаимодействия различных акторов. Его применение позволило проанализировать распределение власти между национальными государствами, корпоративными структурами и обществом в условиях цифровой трансформации. В данном контексте особое внимание уделено роли технологических корпораций и используемым ими механизмам «мягкой силы» и «киберсилы».

На Западе исследования по проблематике киберколониализма проецируются в основном на развивающиеся страны Глобального Юга на такие регионы как Южная Африка, Ближний Восток, Южная Америка, Южная Азия. Например, Дэниел Колеман из Мичиганского университета рассматривает концепт цифрового колониализма в Африке через аспекты законодательного подхода – как следствие использования западными технологическими гигантами слабо проработанных или скудных законов, регулирующих сферу распространения цифровой инфраструктуры и защиты данных пользователей, что позволяет коллективному Западу захватывать рынок и получать прибыль [1].

В целом, для осмысления такого явления как цифровой колониализм в контексте геополитических отношений важна работа Джозефа Ная «Кибер сила» (2010 г.). В рамках своей работы Дж. Най, как идеолог концептов «мягкая сила» и «умная сила», осмысляет новое измерение геополитического воздействия на страны, осуществляемое странами Запада посредством цифровых технологий и цифровой дипломатии, а также как цифровые технологии применяют для дестабилизации политической обстановки [2].

Не менее важным для понимания цифровой трансформации и процессов, связанных с ней, является труд Элвина Тоффлера «Третья волна» (1999 г.). Хотя сам мыслитель и не использовал термин «цифровая трансформация», но именно его интеллектуальному труду принадлежит осмысление концептуальных основ данного процесса. Э. Тоффлер подразумевал под «третьей волной» наступление века информационно-телекоммуникационных технологий, где диапазон власти смещается от тех, кто контролирует производство, в сторону тех, кто контролирует и владеет потоками информации, то есть тем, что сегодня принято называть «Большими данными» (*Big Data*). Тоффлер подмечает, что «Третья волна» принесет удивительные изменения в социально-политическую жизнь общества с точки зрения электронного взаимодействия, а на первый план мировой арены в экономике и международных отношениях выйдут технологические корпорации, основы которых уже были заложены в предыдущих формациях экономического развития общества [3].

Труд Мануэля Кастельса «Информационная эпоха: Экономика, общество и культура» (2000 г.) существенно важен в понимании процессов цифрового колониализма и цифровой трансформации. Как социолог М. Кастельс показал, как современное общество пришло к новой исторической фазе – информационно-

цифровой эпохе. В общем, для геополитического понимания тех процессов, которые исследуются в пределах данной исследовательской работы, положения Кастельса о том, что ИТ-технологии, их внедрение во все сферы жизни – от экономики до власти, критически важны. Нужно отдельно подчеркнуть, что исследователь указывает на феномен распределения власти акторов политического и международного процесса в цифровую эпоху. Она стала сетевой и логика власти перестает быть иерархичной. Контроль в мире цифрового господства протекает через управление потоками информации через сеть интернет, что в результате привело к формированию новой пространственной формы политических и экономических отношений через цифровые коммуникации – пространству потоков (*Space of flow*), противопоставляемому пространству территориальному (*Space of places*). В итоге, по мнению М. Кастельса, благодаря цифровой трансформации границы традиционных акторов международной политики – государств, размыты, а в сетевом пространстве все больше доминируют именно те акторы, которые управляют цифровой инфраструктурой потоков данных – технологические корпорации [4].

Несмотря на рост интереса исследователей к феномену цифрового колониализма, его региональные проявления в Центральной Азии остаются недостаточно освещенными в научных исследованиях. В рамках статьи рассматриваются отдельные аспекты данной проблематики.

Результаты исследования

Проведенный обзор проблемы в пределах данного исследования показывает, что цифровой ландшафт региона Центральной Азии на данный момент времени формируется под значительным влиянием западных технологических корпораций, которые предстают как негосударственные акторы глобальной политики. Активность данных корпораций существенно выходит за рамки просто экономического присутствия. Их деятельность обусловлена чертами политико-институционального характера, что явно видно на примере формирования и регулирования цифровой среды в регионе.

Выявлено, что стратегия цифрового развития таких стран как Кыргызстан и Казахстан находится в зависимости от развития глобальных стандартов и платформ, задаваемых западными корпорациями. Целенаправленное воздействие проводится через внедрение проектов по цифровизации экономики, бизнеса, государственных услуг, и стандартов образования в области ИТ-технологий. Особый упор корпорации делают на проекты в сфере облачной инфраструктуры.

В регионе Центральной Азии наблюдается тенденция к интеграции политических и экономических инструментов в деятельности негосударственных акторов, в рамках которой посредством инвестиционных и грантовых механизмов, а также специализированных программ формируются устойчивые векторы политического взаимодействия со странами региона, основанные на асимметричном распределении ресурсов и влияния, выражающемся в концентрации технологических платформ, цифровой инфраструктуры и массивов данных в руках негосударственных акторов.

Таким образом, констатируется, что ключевые узлы цифровой инфраструктуры в регионе как каналы обработки цифровых данных, операционные системы,

аналитические платформы и облачные сервисы находятся под контролем технологических гигантов Запада.

Дискуссия

Исторические параллели и концептуальные основы

Колониализм как политическое явление представляет собой систему социально-экономического господства метрополий западных государств над Новым и Старым Светом, длившейся вплоть до конца XX века. Как форма политических отношений колониализм характеризовался социально-экономическими практиками эксплуатации и угнетения народонаселения и использованием природных ресурсов менее развитых стран в рамках чего происходил насильственный захват территории иностранного государства или его частичная оккупация.

Геополитические амбиции западных государств заключались в трансформации малоразвитых стран третьего мира в систему региональных провинций с ярко выделявшейся политической несамостоятельностью и отсутствием собственного правового статуса, в целях удержания военно-политического превосходства. Под эгидой привнесения цивилизации путем культурной и языковой экспансии страны западного мира силовыми методами удерживали политический и экономический контроль над географическими регионами мира вплоть до конца 1990-х годов.

Результатами политики колониализма явились следующие показатели: экономическая выгода, политическое влияние и социокультурное доминирование. Экономическая сторона колонизации способствовала не только получению заветных природных ресурсов, тающихся в недрах новых регионов, но установление контактов и доступа к рынкам и ресурсам соседних государств, что выражалось в расширении торгово-экономического партнерства и создании новых рынков с продолжением колониальной экспансии. В этом плане политическое влияние позволяло доминировать над соседними народами и странами для расширения геополитического влияния метрополий запада.

Внедрение языка и религиозных обычаев в социально-культурном плане помогало колонизаторам установить западноевропейские ценности и образ жизни с целью культурной ассимиляции. После Второй мировой войны под эгидой ООН начался процесс деколонизации. Данный процесс был закреплён в международном праве посредством принятия специализированных нормативно-правовых актов, ключевым из которых стала Декларация ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Вместе с тем формальное оформление принципов деколонизации не всегда сопровождалось достижением полной политико-экономической самостоятельности, вследствие чего значительная часть государств сохраняла асимметричную зависимость от развитых западных стран, что обусловило формирование системы государств-сателлитов.

Цифровой колониализм имеет четко прослеживаемые параллели с исторической колонизацией традиционного типа. Этот же факт подчеркивается Ником Колдри, профессором по медиакоммуникациям лондонской школы экономики и политических наук в труде «Издержки подключения: как данные колонизируют человеческую жизнь и используют ее в интересах капитализма» (2019 г.). Итак, он пишет, что «исторический колониализм и информационный колониализм имеют некоторые

общие фундаментальные структуры, которые лежат в основе распределения ресурсов и социальных отношений в каждой из них... социальные отношения, воплощенные в [цифровых] данных, являются частью более широкого колониального (а не только капиталистического) наследия. Это наследие предполагает более высокую степень отчуждения, чем обычно признается с традиционной марксистской точки зрения...» [5, р. 84–85]. Если в историческом прошлом политика колониализма преследовала цели господства над менее развитыми странами, добычи экономических ресурсов, то цифровой колониализм как явление современных политических отношений имеет практически схожие мотивы.

Что же представляет из себя цифровой колониализм? Сегодня цифровой колониализм предстает как процесс перехвата политико-экономического лидерства в развивающихся странах Центральной Азии за счет внедрения информационно коммуникационных технологий (ИКТ) в сектора экономики, государственного и социального управления.

Профессор МГУ Андрей Манойло пишет по этому поводу следующее: «термин «цифровой неоколониализм» появился еще 20 лет назад, и уже тогда прозвучали первые прогнозы о том, что отстающие страны могут попасть в зависимость нового колониального типа»¹. Сегодня развивающиеся страны зависят от предоставляемых технологий, разработанных за рубежом. По своей сути, цифровой колониализм – это процесс, при котором более развитые страны или корпорации используют цифровые технологии для установления экономической, политической и культурной доминирования над менее развитыми регионами. Фактически цифровой колониализм – это современная форма колониализма, где вместо территориального захвата происходит захват и контроль цифрового пространства развивающихся суверенных государств: «борьба великих держав за влияние в какой-либо крупной части мира или в планетарном масштабе традиционно рассматривалась в качестве стратегии, рассчитанной на реализацию возможностей, связанных с контролем пространства... Развитие технологий информации и коммуникации (сегодня – цифровых технологий) вносит в эту динамику качественные изменения... В то же время контроль в киберпространстве становится важнейшим фактором обеспечения контроля физических территорий и политико-экономической экспансии в различных уголках планеты» [6, с. 25–26].

Так негосударственные акторы международной политики, под которыми понимаются технологически развитые державы, прекрасно осознают важность киберпространства как отражения или своеобразной проекции территориального статуса остальных государств и в связи с этим «киберпространство все больше локализуется государствами посредством деятельности и технических регламентов. Государства рассматривают киберпространство как продолжение существующего географического статус-кво и расширили свои правовые сферы, чтобы охватить его таким образом, одновременно приступая к выполнению международных конвенций в киберпространстве. Технологически государства сохраняют огромную власть над

¹ Россия остановит цифровой колониализм. 29.01.2021 // Р-Техно: [сайт]. URL: <https://r-techno.com/en/blog/1416-Rossia-ostanovit-tsifrovoy-kolonializm-SShA.html> (дата обращения: 08.05.2025)

частью киберпространства, которая находится в пределах и за пределами их собственного географического положения» [7, р. 9].

Между цифровым колониализмом и традиционным есть еще несколько сходств, сближающих их по своему сущностному содержанию. Цифровой колониализм преследует цель контроля над цифровой инфраструктурой и в соответствии с этим, современные «колонизаторы – это цифровые компании. Они создают коммуникационную инфраструктуру, такую как платформы социальных сетей и сетевое подключение, с четкой целью сбора данных, получения прибыли и/или хранения данных в качестве сырья для прогнозной аналитики» [1, р. 422]. Большинство развивающихся и даже развитых стран зависят от облачных серверов и центров обработки данных, находящихся под контролем западных технологических корпораций. Фактор контроля за инфраструктурой позволяет коллективному Западу держать под контролем спектр оказываемых цифровых услуг и потоки информации, проходящей через сервера и облачные хранилища. Фактически, это приводит к извлечению данных пользователей и государственных структур, что приводит к определенным политическим рискам в области стабильности и безопасности государств.

Влияние западных технологических корпораций на цифровую трансформацию в центральноазиатском регионе

Страны Центральной Азии всегда находились в поле пристального внимания глобальных политических игроков. Со времен получения собственной независимости и самостоятельности от СССР пять республик Кыргызстан, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан выработали рабочие стратегии внешнеполитического взаимодействия как со своими соседями по региону, так и с крупными международными игроками как коллективный Запад, КНР и Российская Федерация.

Уникальное географическое расположение республик представляет собой торговый хаб, через который транзитом проходит товарооборот между КНР и РФ. Через республики открывается экономический трансфер на рынки Ближнего Востока и Индии через соседний Туркменистан. Данные факторы обуславливают значение Центральной Азии как важного географического региона, за который ведется геополитическая борьба. Фактически, Российской Федерации и КНР важно поддерживать дружественный статус с республиками в осуществлении своих приоритетов исходящих из положений своих внешнеполитических доктрин об экономическом, политическом развитии и поддержании политической стабильности.

Тем не менее, в общемировой геополитической борьбе коллективному Западу подобный ход развития событий видится наихудшим. В результате чего, наблюдается различное противодействие и попытки перехватить политическое влияние в данном регионе через различные инфраструктурные проекты и инициативы.

Цифровая трансформация центральноазиатского региона в свете геополитических прений предстает как соответствующая возможность. В последнее время цифровые технологии и инфраструктура, связанная с ними, превратились в довольно важный инструмент для развития государств Центральной Азии. Например, «...в Кыргызстане говорят о цифровой трансформации как о возможности преодолеть

отставание в развитии республики» [8, с. 65], но вместе с тем, это открывает и возможность для международных усилий в целях установления цифрового контроля.

Нельзя отрицать факт, что коллективный Запад и западные технологические корпорации в регионе Центральной Азии играют практически ключевую роль в развитии технологической инфраструктуры государств. Страны Центральной Азии сегодня значительно зависят от предоставления различных интернет-услуг в сферах экономики, социального обслуживания и политического управления. Технологический контроль и цифровая инфраструктура республик центрально-азиатского региона в основном сосредоточена в руках западных технологических корпораций и межгосударственных структур как Всемирный Банк, спонсирующие программы цифровизации региона.

Даже если брать во внимание, что для инфраструктурного баланса стран Центральной Азии немало оборудования для сетевого трафика предоставляется китайскими корпорациями как «*Huawei*». Большинство стран Центральной Азии активно используют технологии западных корпораций в сфере связи, интернета, электроники и программного обеспечения. Примером является доминирование таких компаний, как *Google*, *Microsoft*, *Cisco* и др. которые поставляют свою продукцию и программное обеспечение в эти страны. К слову, *Cisco* – американская транснациональная корпорация-разработчик сетевого оборудования, а также программного обеспечения в сфере кибербезопасности в 2024 году запустила в Кыргызстане платформу «*Cisco Meraki*» на облачной архитектуре, которая объединяет сетевой поток через беспроводные точки доступа: «компании Кыргызстана получают доступ к передовым сетевым решениям, которые позволят повысить эффективность бизнеса и обеспечить надежную работу сетевой инфраструктуры»². Цели внедрения данной платформы не просто цифровизация и кибербезопасность, а внедрение цифровых инфраструктурных технологий в бизнес, образование, производство и торговлю, что с определенной долей вероятности открывает Западу стратегические возможности влияния и давления на политический курс страны. О планах участия в цифровизации Центральной Азии американская корпорация заявляла в 2018 г. Тогда при поддержке корпорации и Всемирного банка в рамках инвестиционного проекта Цифровая Центральная Азия и Южная Азия – КР (*Digital Casa – Kyrgyz Republic*) обсуждались идеи строительства регионального центра по обработке больших данных и «Умного города».

Корпорация *Google* довольно тесно сотрудничает в области цифровизации с центрально-азиатскими странами. Цели корпорации состоят в том, что адаптировать республики к последним новшествам цифровой экономики. В рамках форума тюркских государств, прошедшего в ноябре 2024 г. в Бишкеке, освещалась тематика направлений, по которым технологический гигант сосредоточил свою деятельность в странах Центральной Азии. Одним из таких направлений является внедрение инструментов на основе искусственного интеллекта. В соответствии с этим, *Google* делает ставку на продвижение цифровой трансформации через систему школьного

² Революция в сетевых технологиях: *Cisco Meraki* теперь доступна в Кыргызстане. 04.10.2024 // *KaktusMedia*: [сайт]. URL: https://kaktus.media/doc/510562_revolutciia_v_setevyh_tehnologiiiah:_cisco_meraki_teper_dostypna_vkrgyzstane.html (дата обращения: 08.05.2025).

образования с превентивной подготовкой обучающихся со школьной скамьи к работе с приложениями на основе генеративных нейросетевых моделей. Важно подчеркнуть, что формирование человеческого капитала, через внедрение в учебный процесс программ при поддержке технологических западных компаний – одно из стратегических проявлений «*Soft power*» и «*Cyber power*» западной империалистической доктрины в международной практике и внешней политике. «Цифровые технологии, разработанные транснациональными корпорациями, также способствуют использованию мягкой силы в сфере образования. Компании, работающие в сфере электронных технологий, продвигают свои транснациональные сети школ и академий в обход национальных государств, а также соответствующие профессиональные сертификаты» [9, р. 364]. В связи с этим можно утверждать, что внедрение систем генеративных нейросетей в образовательную и профессиональную среду определяется не только технологической логикой развития, но также и экономическими причинами. Поскольку контроль над цифровой инфраструктурой и данными искусственного интеллекта сосредоточен в руках крупных технологических компаний, заинтересованных в расширении рынков и усилении их влияния [10, р. 1233].

Технологический гигант Microsoft в своей деятельности и влиянии на цифровую трансформацию в Центральной Азии также осуществляет активное воздействие через мягкую силу. Так, в Казахстане 7 декабря 2022 г. между технологическим гигантом и Министерством науки и высшего образования Республики Казахстан был подписан меморандум о тесном сотрудничестве, включающем в себя задачи повышения цифровой грамотности, компетенций и навыков в области высшего и школьного образования через внедрение собственных инновационных программ в обучении.

Программы вводятся на уровне национального казахского языка в целях его продвижения. Вице-министр Казахстана Камиль Акатов подчеркнул: «мы подписали меморандум о сотрудничестве с компанией «*Microsoft Kazakhstan*». Одним из главных направлений нашего сотрудничества будет продвижение казахского языка. В продукты Microsoft, в том числе в интерфейсы по работе с речью и текстом, будет интегрирован государственный язык. Особенно это важно для людей с нарушениями слуха и зрения, которые хотят продолжать обучение»³.

В Казахстане продукты Microsoft доступны посредством интерактивного портала «*Microsoft Learn*», а также «*Microsoft Learn for Educators*». Корпорация взяла на себя обязательства в посильном консультировании казахского министерства науки и высшего образования по вопросам реновации образовательных программ и подготовке специалистов в IT-индустрии, а также роста качества инноваций и научной деятельности посредством внедрения научно-учебных лабораторий «*Microsoft Azure Labs*» для обучения навыкам и компетенциям казахского человеческого капитала в таких областях как аналитика больших данных, искусственный интеллект, машинное обучение и интернет-вещей⁴.

³ Подписан меморандум между министерством науки и высшего образования Республики Казахстан и Microsoft, 07.12.2022 // Единая платформа интернет-ресурсов государственных органов Gov.kz: [сайт]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/sci/press/news/details/472471?lang=ru> (дата обращения: 08.05.2025).

⁴ Использование цифровых возможностей Microsoft казахстанскими педагогами и школами, обновление учебных программ по информатике, совместная работа в инклюзии и другие

Угрозы и политические риски цифровой зависимости

Центрально-азиатский регион сильно уязвим в плане политической стабильности. Цифровая трансформация государств, входящих в регион, является чувствительным к внешнему влиянию звеном в геополитическом контексте. Политические риски для региональной стабильности весьма возрастают ввиду того, что угрозе способствует географическое положение региона. Цифровое пространство республик Центральной Азии лежит на пересечении интересов крупных геополитических игроков как западная коалиция, России и КНР, что делает его потенциальной площадкой для информационной борьбы.

В этот риск входит проведение киберопераций хакерских групп, подконтрольных внешнеполитической силе, заинтересованной в дестабилизации национальной безопасности в государствах региона. Впервые такие опасения «относительно превращения Центральной Азии в «хакерский полигон» высказывались еще в 2015 г., когда компания *Deloitte* представила доклад о состоянии цифровой инфраструктуры региона. В материале отмечалось наличие значительного количества уязвимостей и лазеек, которыми могли воспользоваться как «боевые хакеры» других стран»⁵. И данная угроза набирает обороты. Особенно с переходом государственного управления и обслуживания населения на полное или частичное цифровое взаимодействие. Перехват цифровых данных и цифровые диверсии могут значительно дестабилизировать регион и без того оцениваемый как политически и экономически нестабильный. Предполагая, например, ситуацию – если цифровые данные о политических решениях, будут носить компрометирующий характер, это в свою очередь обратит народонаселение против легитимной власти или хуже того, может вызвать пограничные конфликты с соседним государством.

Неудивительно, что подобный подчёрк в политических операциях в большей мере соответствует западному методу ведения информационной войны в киберпространстве как составляющей гибридных войн. На этом фоне неоднозначная дискуссия о возможных манипуляциях внутривнутриполитическими процессами в странах Центральной Азии через инструменты цифрового воздействия приобретает все более актуальный характер. Усиление технологической зависимости от иностранных поставщиков оборудования и программного обеспечения усиливает опасения по поводу возможности скрытого влияния на политические и управленческие процессы.

Особую обеспокоенность вызывает тот факт, что критически важные узлы цифровой инфраструктуры – центры обработки данных, каналы связи, системы электронной отчетности и цифровой идентификации во многих случаях создаются или поддерживаются при участии зарубежных компаний, чьи национальные интересы могут вступать в противоречие с суверенными интересами государств региона. Подобная ситуация закладывает основу для так называемой «структурной зависимости», когда

договоренности – министерство просвещения подписало меморандум о сотрудничестве с компанией Microsoft. 06.12.2022 // Единая платформа интернет-ресурсов государственных органов Gov.kz: [сайт]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/edu/press/news/details/471753?lang=ru> (дата обращения: 08.05.2025).

⁵ Центральная Азия столкнулась с нарастающими цифровыми угрозами. 14.08.2023 // Интернет-портал СНГ: [сайт]. URL: <https://e-cis.info/news/566/111188/> (дата обращения: 08.05.2025).

страна, не обладая собственными цифровыми технологиями и кадрами, вынуждена следовать внешней повестке, навязываемой поставщиками решений.

Эта зависимость усугубляется в условиях растущей конкуренции между Китаем, США и Россией за влияние в Евразии. Каждый из этих игроков стремится закрепиться на «цифровом плато» региона – будь то через экспорт оборудования, внедрение стандартов связи, участие в разработке нормативных актов или обучение специалистов. В результате, государства Центральной Азии все чаще оказываются втянутыми в «цифровую дилемму выбора» между конкурирующими платформами, технологиями и версиями протоколов политики конфиденциальности. Прямым следствием этого становится не только техническая фрагментация цифровой среды, но и политизация цифровой инфраструктуры. Сегментация глобального цифрового сотрудничества оказывает растущее влияние на различные регионы и региональных акторов [11, с. 69].

Опасения касаются не только угроз утечки данных или саботажа, но и перспектив использования цифровых каналов, таких как социальные сети для информационного давления, вмешательства в электоральные процессы, дискредитации лидеров и даже подрыва доверия к институтам власти. В целом, в экспертных кругах уже давно обсуждаются различные сценарии применения технологий «глубокой фальсификации» (*deep fake*) в рамках гибридных кампаний, направленных на подрыв политической стабильности. В условиях низкой цифровой грамотности значительной части населения Центральной Азии такие технологии могут быть особенно опасны, создавая основу для масштабных манипуляций общественным сознанием.

В общем, следует констатировать, что «развитые страны используют свои преимущества в информационных технологиях для достижения «односторонней прозрачности» над развивающимися странами, и сетевая политика стала важным политическим инструментом. Социальные медиаплатформы активно применяются для поддержки политических оппозиционных групп и проведения цветных революций в различных странах, а также для распространения экстремистских идей и вербовки членов террористических организаций. В этой новой геополитической реальности возникли реальные сетевые войны, такие как войны общественного мнения и культурно-идеологические войны, разворачивающиеся в интернете» [12, С. 33].

Таким образом, цифровая трансформация, при всех своих очевидных преимуществах, несет в своей сущности довольно серьезные геополитические риски. Без выработки независимой стратегии цифрового суверенитета, развития собственных технологических компетенций и укрепления кибербезопасности, государства Центральной Азии рискуют оказаться не субъектами, а объектами в борьбе мировых держав за влияние в цифровом измерении.

Заключение

Цифровая трансформация в регионе Центральной Азии, как представляется на первый взгляд, представляет собой логичный шаг этих стран на пути собственной модернизации и интеграции в глобальную цифровую экономику. Однако, при довольно углубленном анализе проблемы становится очевидно, что внедрение технологий западного происхождения сопровождается не только инфраструктурным

развитием, но и нарастающей зависимостью от внешних акторов, интересы которых далеко не всегда совпадают с национальными приоритетами государств региона.

Анализируя примеры взаимодействия с такими транснациональными корпорациями, как *Microsoft*, *Cisco* и *Google*, мы можем констатировать такой факт, что под видом содействия цифровой грамотности, развития генеративных нейросетевых моделей и модернизации образования в области цифровых решений, постепенно формируется новая архитектура цифрового контроля. Этот процесс включает не только техническое оснащение, но и ментальную перестройку обучаемых поколений экспертами-преподавателями в логике западных цифровых парадигм в ключе хорошо известных концептов «кибер сила» и «мягкая сила». Так, использование «умной силы» в форме образовательных инициатив, интеграции национальных языков в продукты и услуги, а также прямого участия в разработке цифровых политик на уровне министерств свидетельствует о целенаправленном формировании устойчивой зависимости.

Стоит отметить отдельно и исторические аналогии с колониализмом. Отнюдь, они не являются преувеличением. Как и в эпоху классического колониального господства, цифровой колониализм стремится к установлению контроля не только над территориями, но и над потоками данных, информационными системами и, в конечном счете, над сознанием и поведением населения. Эксплуатация ресурсов в этом случае принимает форму извлечения данных пользователей, вмешательства в локальные нормативные процессы и навязывания политико-экономической повестки, выгодной внешним игрокам. Такая форма доминирования менее заметна, но не менее эффективна и, что особенно важно, труднее обратима.

В итоге, государства Центральной Азии оказываются в положении так называемого «цифрового перекрестка», где наличие неизбежной необходимости цифровой модернизации сталкивается с риском утраты собственного цифрового суверенитета. Под угрозой оказываются не только данные и цифровая инфраструктура, но и независимость в принятии политических решений, устойчивость институтов власти и самобытность национальных стратегий развития. Особенно опасной тенденцией становится вовлечение региона в глобальную геополитическую конфронтацию через призму технологических платформ и цифровых стандартов, навязываемых конкурирующими центрами силы как США и Китай.

Без целенаправленной политики по формированию собственных цифровых компетенций, наращивания локального производства цифровых решений и укрепления цифрового суверенитета, Центральная Азия рискует окончательно превратиться в объект цифровой экспансии, не имеющий собственного голоса в формировании глобального цифрового порядка. В этом контексте, важно осознавать ценность переосмысления подходов к процессу цифровизации как к вопросу не только экономическому, но прежде всего, как геополитическому. Формирование координированной региональной стратегии цифрового развития, усиление регуляторной базы, поддержка локальных технологических инициатив и развитие критического мышления у населения, это всего лишь некоторые из превентивных шагов, которые способны смягчить угрозу цифровой зависимости и вернуть странам региона контроль над своим собственным цифровым будущим.

Таким образом, Центральная Азия сегодня стоит перед выбором – либо стать ареной технологического соперничества внешних держав, потеряв цифровой суверенитет, либо субъектом собственной цифровой траектории, основанной на принципах независимости, устойчивости и стратегического баланса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Coleman, D. Digital Colonialism: The 21st Century Scramble for Africa through the Extraction and Control of User Data and the Limitations of Data Protection Laws // *Michigan Journal of Race and Law*. 2019. Vol. 24. Iss. 2. P. 417–439. <https://doi.org/10.36643/mjrl.24.2.digital>.
2. Nye, J. *Cyber Power*. Cambridge: Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School, 2010. 30 p. [эл. доступ]. URL: <https://www.belfercenter.org/publication/cyber-power> (дата обращения: 08.10.2025).
3. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. 784 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Москва: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
5. Couldry, N., Mejjias, U.A. *The Costs of Connection: How Data is Colonizing Human Life and Appropriating It for Capitalism*. California, Stanford: Stanford University Press, 2019. 352 p.
6. Ефременко Д.В. Формирование цифрового общества и геополитическая конкуренция // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. Т. 13. № 2. С. 25–43. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-2>. EDN: QUDXUM.
7. Cameran, H.A. *The Spatiality of Power in Internet Control and Cyberwar*. A dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree Doctor of Philosophy in Geography. Los Angeles: University of California, 2015. XII, 341 p. [эл. доступ]. URL: <https://escholarship.org/uc/item/0w99g31p> (дата обращения: 24.10.2025).
8. Акматалиева А.М. Цифровизация в государствах Центральной Азии и проекты «умных городов» // *Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество*. Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 80-летию Победы советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол. Часть 2. Чита: ЗабГУ, 2019. С. 64–67. EDN: ZVHGPy.
9. Dovigo, F. Envisioning a New Model of Network Governance for Global Education // *Prospects. Comparative Journal of Curriculum, Learning, and Assessment*. 2024. Vol. 54. Iss. 2. P. 361–370. <https://doi.org/10.1007/s1125-024-09698-5>.
10. Palenski, T., Hills, L., Unnikrishnan, S., Eynon, R. How AI Works: Reconfiguring Lifelong Learning // *Postdigital Science and Education*. 2024. Vol. 6. Iss. 4. P. 1216–1239 <https://doi.org/10.1007/s42438-024-00496-y>.
11. Канаев Е.А., Новик Н.Н., Кулясов Н.С., Федоренко Д.О. АСЕАН в условиях цифровой фрагментации // *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 3. С. 66–73. <https://doi.org/10.31857/S032150750030442-8>. EDN: FOZRHG.
12. Безносков М.А. Цифровизация геополитики: конфликт и сотрудничество // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2024. № 2. С. 27–46. <https://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-2-27-46>. EDN: TEEAXL.

REFERENCES

1. Coleman, D. Digital Colonialism: The 21st Century Scramble for Africa through the Extraction and Control of User Data and the Limitations of Data Protection Laws. *Michigan Journal of Race and Law*. 2019. Vol. 24. Iss. 2. P. 417–439. <https://doi.org/10.36643/mjrl.24.2.digital>.
2. Nye, J. *Cyber Power*. Cambridge: Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School, 2010. 30 p. Available at <https://www.belfercenter.org/publication/cyber-power> (accessed: 08.10.2025).
3. Toffler, A. *The Third Wave. The Classic Study of Tomorrow*. Moscow: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. 784 p. (In Russian).
4. Castells, M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Moscow: GU VShE, 2000. 608 p. (In Russian).

5. Couldry, N., Mejias, U.A. *The Costs of Connection: How Data is Colonizing Human Life and Appropriating It for Capitalism*. California, Stanford: Stanford University Press, 2019. 352 p.
6. Efremenko, D.V. The Formation of Digital Society and Geopolitical Competition. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2020. Vol. 13. No. 2. P. 25–43. (In Russian) <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-2>. EDN: QUDXUM.
7. Cameran, H.A. *The Spatiality of Power in Internet Control and Cyberwar*. A dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree Doctor of Philosophy in Geography. Los Angeles: University of California, 2015. XII, 341 p. Available at <https://escholarship.org/uc/item/0w99g31p> (accessed: 24.10.2025).
8. Akmatolieva, A.M. Digitalization in Central Asia and Projects of “Smart Cities”. *Prigranichnyy region v istoricheskom razvitiy: partnerstvo i sotrudnichestvo* [The Border Region in Historical Development: Partnership and Cooperation]. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu Pobedy sovetskikh i mongolskikh voysk na reke Khalkhin-Gol [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 80th Anniversary of the Victory of Soviet and Mongolian Troops at the Khalkhin Gol River]. Part 2. Chita: Tbsu, 2019. P. 64–67. (In Russian). EDN: ZVHGPy.
9. Dovigo, F. Envisioning a New Model of Network Governance for Global Education. *Prospects. Comparative Journal of Curriculum, Learning, and Assessment*. 2024. Vol. 54. Iss. 2. P. 361–370. <https://doi.org/10.1007/s11125-024-09698-5>.
10. Palenski, T., Hills, L., Unnikrishnan, S., Eynon, R. How AI Works: Reconfiguring Lifelong Learning. *Postdigital Science and Education*. 2024. Vol. 6. Iss. 4. P. 1216–1239 <https://doi.org/10.1007/s42438-024-00496-y>.
11. Kanaev, E.A., Novik, N.N., Kulyasov, N.S., Fedorenko, D.O. ASEAN amidst the Digital Fragmentation. *Asia and Africa Today*. 2024. No. 3. P. 66–73. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S032150750030442-8>. EDN: FOZRHG.
12. Beznosov, M.A. The Digitalization of Geopolitics: Conflict and Cooperation. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. 2024. No. 2. P. 27–46. (In Russian). <https://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-2-27-46> EDN: TEEAXL.

Сведения об авторах / Information about authors

Уткин Дмитрий Витальевич – начальник отдела научных проектов научно-инновационного управления; Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина.

E-mail: d.v.utkin@krsu.kg

ORCID: 0000-0002-2451-1716

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Utkin Dmitriy V. – Head of the Scientific Projects Department, Research and Innovation Management; Kyrgyz-Russian Slavic University named after the First President of the Russian Federation B.N. Yeltsin.

E-mail: d.v.utkin@krsu.kg

ORCID: 0000-0002-2451-1716

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 11.11.2025.
Одобрена после рецензирования 24.01.2026.
Принята 27.01.2026.

Received 11.11.2025.
Approved after reviewing 24.01.2026.
Accepted 27.01.2026.